

УДК 343.1

*Л.А. Кротова***ВОВЛЕЧЕНИЕ В САМОУБИЙСТВО:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ**

Традиционно дискуссионным остается вопрос о формах и видах вины в составе доведения до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК РФ). В доктрине уголовного права высказаны различные, порой противоположные суждения относительно возможных форм и видов вины по отношению к самоубийству или покушению на самоубийство потерпевшего. В статье рассматриваются изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации, принятые в июне 2017 г. в части уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство. Обсуждается возможность совершения преступлений, предусмотренных в статьях 110, 110.1, 110.2, как умышленно, так и по неосторожности. Анализируются публичные способы вовлечения в самоубийство (в публичном выступлении, публично продемонстрированной работе, в средствах массовой информации или в информационных и телекоммуникационных сетях (включая Интернет). Отмечаются пробелы в правовом регулировании вовлечения в самоубийство (статьи 110.1, 110.2) и предлагается внесение дополнений в уголовное законодательство.

Ключевые слова: вовлечение в самоубийство, доведение до самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, криминализация.

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) внесены существенные изменения и дополнения, ужесточающие уголовную ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Установлена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ) [1]. Ученые, анализирующие законодательные новеллы, подчеркивают неоднозначность их содержания, прогнозируют возникновение новых дискуссий относительно их толкования и применения как, впрочем, и продолжение обсуждения традиционных проблем.

Традиционно дискуссионным был и остается вопрос о формах и видах вины в составе доведения до самоубийства (ч. 1 ст. 110 УК РФ). В доктрине уголовного права высказаны различные, порой противоположные суждения относительно возможных форм и видов вины по отношению к самоубийству или покушению на самоубийство потерпевшего. Одни теоретики допускают любую форму вины [2. С. 192; 3]. Другие полагают, что субъективная сторона доведения до самоубийства может быть выражена в виде прямого или косвенного умысла [4], третьи указывают на возможность совершения данного преступления лишь с косвенным умыслом и по неосторожности [5. С. 252]. Есть ученые, полагающие, что «у виновного может быть только неосторожная форма вины» [6].

Судебная практика также отличается разнообразием в части оценки субъективного отношения виновного лица к содеянному и наступившим последствиям. Указывается на возможность совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110 УК РФ (в ред. ФЗ от 07.06.2017 № 120-ФЗ), и умышленно, и по неосторожности.

Так, признавая Толстых П.А. виновным в совершении преступления, суд указал, что Толстых «осознавал проявление жестокого обращения с Ш.А.Г. путем издевательства над ним группой лиц, осознавал при этом, что своими действиями совершает издевательство над Ш.А.Г., но не предвидел наступления последствий в виде его самоубийства, хотя в связи с жестоким характером своего обращения с Ш.А.Г., мог и должен был предвидеть возможность самоубийства потерпевшего» [7]. Таким образом, суд пришел к выводу о наличии в содеянном Толстых П.А. неосторожной формы вины.

Постановляя приговор по обвинению Филимонова В.А. в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл установил, что Филимонов В.А. действовал с прямым умыслом. «С целью доведения К.Е.И. до самоубийства, действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий в виде совершения К.Е.И. самоубийства, так как она неоднократно высказывала Филимонову В.А. свое намерение лишиться себя жизни, и желая их наступления, угрожал, жестоко обращался и систематически унижал человеческое достоинство К.Е.И.» [8].

Краснокаменский городской суд Забайкальского края по делу Дубовик Г.А. пришел к выводу, что установленные фактические обстоятельства свидетельствует о наличии у подсудимого косвенно-

го умысла на доведение своей жены до самоубийства. Дубовик Г.А., испытывая личную неприязнь к своей жене, «с целью доведения ее до самоубийства, систематически, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, предвидя возможность наступления общественно-опасных последствий в виде совершения Дубовик Г.Ю. самоубийства, не желая, но сознательно допуская наступление данных последствий, причинял ей физические и психические страдания путем жестокого обращения, систематического нанесения побоев, а также психического травмирования личности Дубовик Г.Ю. ...» [9].

Дополнение ст. 110 УК РФ ч. 2, по мнению Н.Е. Крыловой, делает невозможным совершение самоубийства не только по неосторожности, но и с косвенным умыслом, ибо наличие таких квалифицирующих признаков, как заведомость, публичность характера действий, а также групповой способ совершения преступления «означает отсутствие безразличного отношения» [10. С. 78]. Следовательно, подчеркивает далее автор, может быть поставлен вопрос о совершении этого преступления «*исключительно с прямым умыслом*» (Там же).

В качестве второго аргумента, свидетельствующего об умысле как единственно возможной форме вины, приводится факт употребления законодателем в абз. 1 ч. 2 ст. 110 УК РФ слов: «То же деяние, совершенное», после чего перечисляются соответствующие квалифицирующие признаки. Таким образом, «если квалифицирующие признаки характеризуют только умышленное совершение преступления, то и деяние не может быть иным» [10. С.78].

Разделяя озабоченность Н.Е. Крыловой в части возможности появления сложностей в процессе применения новой редакции рассматриваемого состава преступления, тем не менее приведенные аргументы относительно прямого умысла как исключительной формы вины, на наш взгляд, не представляются достаточно убедительными.

Иной подход к анализу субъективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, предполагающий возможность совершения данного преступления с любой формой вины, имеет под собой как законодательную основу, так и достаточно четко выраженную позицию Верховного Суда РФ. Последняя нашла отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (в редакции от 30.11.2017 г. № 49) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Несмотря на конкретную цель постановления, состоящую в обеспечении единства судебной практики применения законодательства в указанной выше сфере, позиция Верховного Суда РФ относительно понимания содержания и смысла правовых норм Общей части УК РФ (в данном случае ч. 2 ст. 24 УК РФ) имеет более общее значение и, следовательно, ею следует руководствоваться в ходе применения уголовно-правовых норм других институтов Особенной части уголовного закона. Так, в соответствии с п. 4 указанного постановления, «исходя из положений ч.2 ст. 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствует содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны экологического преступления. Например, преступления, предусмотренные статьей 246, частью 2 статьи 247, частью 1 статьи 248, частями 1 и 2 статьи 250 УК РФ, могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности ...» [11]*.

В контексте рассматриваемого вопроса представляется, что поскольку в диспозиции ч. 1 ст. 110 УК РФ не конкретизирована форма вины, то с учетом ч.2 ст.24 УК РФ доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности (с учетом содержания деяния и его способов, предусмотренных в данном составе в качестве конструктивных признаков).

Таким образом, сложившаяся на сегодняшний день судебная практика применения ст. 110 УК РФ, признающая в равной мере возможность совершения данного преступления как умышленно, так и по неосторожности, имеет под собой указанное выше правовое основание и представляется совершенно правильной. И вряд ли дополнения, внесенные Федеральным законом РФ от 7 июня 2017 г. №120-ФЗ, могут вызвать кардинальное ее изменение в этой части.

Поскольку основной состав доведения до самоубийства или покушения на самоубийства не включает совершения преступления как умышленно, так и по неосторожности, следовательно, и в час-

* Тем не менее в доктрине имеет место иное толкование ч. 2 ст. 24 УК РФ, чем и обусловлена позиция ряда теоретиков относительно субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

ти квалифицированного его вида в той же мере допустимо совершения преступления с любой формой вины.

Безусловно, доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, либо совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, возможно лишь с умыслом, причем прямым. Действительно, указанные выше квалифицирующие признаки «характеризуют только умышленное совершение преступления», как совершенно справедливо отмечает Н.Е. Крылова [10. С. 78], но в то же время доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство, имевшее место в отношении двух или более лиц (п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ) либо в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), что предусмотрено п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, не исключает как неосторожную форму вины, так и косвенный умысел, что в полной мере соответствует положениям ч. 2 ст. 24 УК РФ и позиции Верховного Суда РФ.

Законодательная регламентация новых видов вовлечения в самоубийство, предусмотренных ст. 110.1 и 110.2 УК РФ, также дает основание для неоднозначных оценок. В работах, уже опубликованных по данной тематике, прогнозируются сложности применения этих статей, обусловленные отсутствием единых стандартов толкования данных составов [12. С. 11], должной определенности описания новых оснований ответственности [13. С. 78], что вряд ли будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики.

Многие положения указанных законодательных новелл, равно как и варианты предлагаемого доктринального их толкования, представляются интересными, но не всегда бесспорными. Так, в соответствии со ст. 110.2 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства. Характерной особенностью данного состава, отличающей его от иных видов вовлечения в самоубийство, является обращенность к неопределенному кругу лиц. Данное обстоятельство, по мнению некоторых авторов [12. С. 11], свидетельствует о ненаказуемости самой деятельности, указанной в диспозиции ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, несмотря на очевидную общественную опасность таковой, более чем достаточную для положительного решения вопроса о ее криминализации. Причем подчеркивается факт ненаказуемости данной деятельности именно в рамках ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, с чем нельзя не согласиться.

В то же время последующее утверждение автора, согласно которому «распространение информации о способах совершения самоубийства и призывы к его совершению, не направленные на конкретных лиц, не образуют состава преступления» [12. С. 11], уже не предполагает столь однозначного понимания. С одной стороны, данный вывод можно рассматривать в контексте предшествующей оценки содержания ч. 1 ст. 110.2 УК РФ как его логическое продолжение, о чем было сказано выше. С другой стороны, не исключено, что тем самым констатируется факт отсутствия в действующем уголовном законе вообще основания ответственности за деятельность, направленную на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства. Ибо составы, «предусмотренные ст. 110 и 110.1 УК РФ, объединяет наличие конкретного потерпевшего (потерпевших)» [12. С. 11], что и позволяет автору прийти к выводу о криминализации лишь такой деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которая осуществляется в отношении определенного лица (лиц).

Действительно, в целом составы ст. 110 и 110.1 УК РФ предполагают наличие конкретного потерпевшего (потерпевших), но, как представляется, за некоторым исключением. Имеется в виду закрепленный в п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ квалифицированный вид склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Аналогичный квалифицирующий признак предусмотрен и в ч. 2 ст. 110.2 УК РФ.

Характеристика деяния как публичного предусмотрена в качестве конструктивного признака в некоторых составах преступлений, расположенных в разных разделах и главах Особенной части УК РФ (например, ст. 128.1, 280, 280.1, 354). Тем не менее его смысловое значение не должно зависеть от конкретных юридических признаков каждого состава, определяющих его социально-правовую сущность.

Так, применительно к клевете (ст. 128.1 УК РФ) публичность означает распространение сведе-

ний при условиях, позволяющих воспринимать их многочисленной аудиторией, неопределенным кругом лиц. Публично демонстрирующееся произведение – это разнообразным способом изготовленное и выпущенное в продажу, прокат или на всеобщее обозрение произведение. К таковым можно отнести книги, кинофильмы, видео- и компакт-кассеты и диски, плакаты, носители компьютерной информации и т.п. Средствами массовой информации являются телевидение, радио, газеты и журналы, Интернет [4; 14].

Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны также означают обращение к неограниченному кругу лиц и могут выражаться в осуществлении в присутствии многих лиц; могут определяться местом и обстановкой совершения деяния (митинг, конференция), способом (демонстрация фильмов, размещение информации на открытом сайте в Интернете и т. д.) [15].

Таким образом, использование указанных в п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ публичных форм вовлечения в самоубийство существенным образом расширяет аудиторию, информируемую как о способах его совершения, так и воспринимающую призывы к совершению самоубийства в качестве руководства к действию. Указанные действия могут быть непосредственно направлены на побуждение намерения у конкретного лица лишить себя жизни и, следовательно, совершаются с прямым умыслом. Одновременно оказывается соответствующее психическое воздействие на неопределенный круг лиц, что не может не охватываться сознанием виновного, обращающегося к публичным формам распространения соответствующей информации. В последнем случае можно говорить о совершении преступления, как минимум, с косвенным умыслом (нельзя исключить и неосторожную форму вины).

Следовательно, преступление, предусмотренное п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, предполагает как наличие конкретного потерпевшего, так и обращенность к неопределенному кругу лиц. Последнее обстоятельство дает основание не согласиться с категорическим утверждением Н. Егоровой о ненаказуемости самой деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, указанной в диспозиции ч. 1 ст. 110.2 УК РФ.

Вызывает сомнение и обоснованность оценки законодателем общественной опасности организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, сопряженное с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), и общественной опасности осуществления этой деятельности указанными способами.

Если преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 110.2 УК РФ, отнесено к категории особо тяжких (наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет), то ч. 3 ст. 110.1 УК РФ – преступление средней тяжести (помимо лишения свободы на срок до четырех лет в качестве основного наказания могут быть назначены и принудительные работы на этот же срок). Полагаем, что характер общественной опасности склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства, совершаемые публичным способом, ориентированным на восприятие информации неограниченным кругом лиц, объективно сопоставим с общественной опасностью преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110.2 УК РФ.

Сравнительный анализ объективных признаков склонения к совершению самоубийства, а также содействия его совершению (ч. 1, 2 ст. 110.1 УК РФ) с содержанием деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к его совершению (ч. 1 ст. 110.2 УК РФ), позволяет сделать вывод, что в чч. 1, 2 ст. 110.1 УК РФ предусмотрены конкретные способы вовлечения в самоубийство, охватывающиеся, в то же время, диспозицией ч. 1 ст. 110.2 УК РФ, но ими не исчерпывающиеся.

Таким образом, в случае организации лицом деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, сопряженной с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), оно подлежит ответственности по ч. 2 ст. 110.2 УК РФ. Но если лицо не ограничилось лишь организацией данной деятельности указанными способами, но осуществляет ее этими же способами, то есть объективно ориентированными на неопределенный круг лиц, представляется, что содеянное содержит реальную совокупность преступлений. Действия такого лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 110.2 и п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ.

В случае же организации лицом деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства, сопряженной с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующегося произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), с последующим ее осуществлением указанными способами, повлекшей самоубийство двух или более лиц, также имеет место реальная совокупность преступлений. Содеянное лицом подлежит квалификации по ч. 2 ст. 110.2 и ч. 6 ст. 110.1 УК РФ.

Правовой основой такого решения служит ч. 4 ст. 110.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство, и ч. 6, регламентирующая ответственность за совершение деяний, предусмотренных частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие самоубийство двух или более лиц.

Но в то же время вне правовой оценки законодателя оказалось деяние, заключающееся в склонении к совершению самоубийства или в содействии совершению самоубийства, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, а также в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство одного лица.

При привлечении к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 110.1 УК РФ за склонение к совершению самоубийства (содействие совершению самоубийства), повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство одного потерпевшего, есть возможность учесть факт совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору (организованной группой) в рамках обстоятельств, отягчающих наказание (п. «в» ч.1 ст. 63 УК РФ). В то же время в аналогичной ситуации квалифицирующий признак, предусмотренный п. «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ и характеризующий способ совершения преступления, невозможно ни вменить виновному лицу при квалификации содеянного, ни принять во внимание при назначении наказания как отягчающее обстоятельство в связи с отсутствием такового в ст. 63 УК РФ. Но его наличие в содеянном существенным образом повышает общественную опасность преступления и подлежит обязательному учету при назначении наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ), на что ориентирует судебную практику Верховный Суд РФ [16]. Оптимальным выходом из создавшегося положения представляется дополнение ст. 63 УК РФ еще одним обстоятельством, отягчающим наказание: «преступление, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.
2. Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (7-е изд., перераб. и доп.) / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (2-е изд., перераб. и доп.) / под ред. А.В. Бриллиантова // СПС «КонсультантПлюс».
5. Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристь, 1999.
6. Уколова Ю.А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. 2007. № 12.
7. Приговор Усть-Удинского районного суда Иркутской области от 03.04.2012г. по уголовному делу № 1-15/2012. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 10.06.2018г.).
8. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 31.07.2017 г. по делу № 1-205/2017. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 10.06.2018 г.).
9. Приговор Краснокамского городского суда Забайкальского края от 20.09.2011 г. № 1-391/2011. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 10.06.2018 г.).
10. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1.

11. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 (в редакции от 30.11.2017 г. № 49). URL: <http://www.vsrfr.ru/>.
12. Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6.
13. Шарапов Р. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Т. 1. 2-е изд. /под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2017 // СПС «КонсультантПлюс»
16. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016). URL: <http://www.vsrfr.ru/>

Поступила в редакцию 03.07.2018

Кротова Любовь Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)

L.A. Krotova

INVOLVEMENT IN SUICIDE: SOME ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL QUALIFICATION

The article is devoted to the amendments to the Criminal Code of the Russian Federation adopted in June 2017 relating to criminal liability for involvement in suicide. It discusses the possibility of committing crimes, provided for in Articles 110, 110.1, 110.2, both intentionally and through negligence. The public means of involving in suicide is analyzed (in a public address, a publicly shown work, mass media or the information and telecommunications networks (including the Internet). There are gaps in the legal regulation of involvement in suicide (art. 110.1, 110.2) and it is proposed to amend the criminal legislation.

Keywords: involvement in suicide, bringing to suicide, organization of activities directed to induce suicide, criminalization.

Received 03.07.2018

Krotova L.A., Candidate of Law, Associate Professor at Department of criminal law and criminology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034